10. Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия или олигархия? //http://exsolver.narod.ru/Artical/Govertheory/bureacracy.html

11. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Отв. ред. Е. Мелешкина. М.: Инфра-М; Весь мир, 2001; Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебник. М.: Юристъ, 2002. С. 371.

УДК 297

Добаев И. П., Гаджибеков Р. Г., Анисимова Н.А.

Векторы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации

Статья посвящена проблеме радикализации ислама в Российской Федерации. Разработана периодизация этого процесса, предложена характеристика его этапов. Осмысливаются содержание и перспективы дальнейшей политизации и радикализации ислама.

Ключевые слова: ваххабизм, исламизм, терроризм.

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время, практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающиеся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, модернизм), прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в

регионе пока еще крайне слабы и противоречивы, и существенной роли в общем раскладе сил не играют.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также еще и другая институционализированная группа традиционалистов - сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего, «официального» ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е гг. XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам [1]. В свою очередь, мусульманские лидеры пытаются приобщиться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации официального ислама стала их борьба с привнесенной извне салафией, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов) предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций Духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождало централизацию религиозной власти, а, с другой стороны, усиливало центробежные тенденции, углубляло внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на

Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х гг. XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако, начиная с середины 1990-х годов во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом» [2]. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик, окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толерантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи, в 90-е гг. XX в. абсолютно верный, сегодня по многим позициям ошибочен. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен, практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов, как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное актуально, в первую очередь, для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама. Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная «традиционная идентичность» и привнесенная религиозными экстремистами «ваххабитская» идентичность» [3]. Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

Тем не менее, в отсутствие модернизированного северокавказского ислама, у светских властей практически нет выбора. В условиях нарастания исламистских тенденций, в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать – становится опасно. Как следствие, несмотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевает, захватывая при этом все новые российские территории.

Религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. С учетом этих трансформаций можно

предложить следующую версию периодизации радикализации российского ислама:

1. 70-е – начало 90-х гг. XX в. знаменует собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х гг. – 1994 гг. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют т.н. «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х гг. характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождался концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен-Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М.Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 – 2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования т.н. ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кав-

каза. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами северокавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е гг. XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультра-радикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – н/время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ, и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которого осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят т.н. «вилайеты» - конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – т.н. «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря - банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI века: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории - в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего, на Татарстан.

7. Последние год - два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы.

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализаци ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа [4].

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая [5]. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен в состав вилайета Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых – военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от «центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры т.н. «секторов», а те - конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности, на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом эта разветвленная сетевая террористическая структура обладает такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» - до «Имарата», а живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с

северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершении «пятидневной войны», когда грузинский режим Саакашвили предпринял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 процентов). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. – соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)» [6].

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010-1012 гг.) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно по годам – 310, 229, 193), Ингушетии – 253 (161, 46, 46), Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45), Чечне – 198 (149, 32, 17) [7]. Отсюда следует, что в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее, эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана, в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике антитеррористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего – в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне [8]. В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные

структуры молодых радикалов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана [9].

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003-2005 годах в сельских районах. Затем в республике появились свои «лесные» - боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского» [10]. Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А.Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу [11]. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения» [12]. Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц. Однако, в отличие от обычных ОПГ, «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они солидарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», - признал Асгат Сафаров [12].

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, «амир Имарата Кавказ» провозгласил о появлении т.н. «вилайета Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала [13]. Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилаейта». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало увеличение числа салафитов, их структурного оформления. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около трех тысяч салафитов и салафитствующих [14]. Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправилось еще 20 человек [15]. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 года в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству

взрывчатки и «поясов шахида» [10], а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10 – 15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 году. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама» [10].

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана» [16]. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что, якобы, неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби» [10]. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему «гонений на ислам» в России в федеральном масштабе» [17]. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше двух тысяч салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам от 10% до 17% от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 году, когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тысяч человек» [18]. Участники указанной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 года в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 года. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега бы-

ли признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символике, используемой членами международной религиозной организации «Хизбут-Тахрир аль-Ислами» во многих странах мира» [19].

Отсюда становится совершенно очевидным, что «…любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют «исламские аналитики»…, а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для «исламских диссидентов», как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских Интернет-ресурсах, являются ничем иным как оправданием ваххабизма» [10].

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских государствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России [20]. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становится криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 года представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 человек, 90 процентов из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны… приверженцы радикальных течений

ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату» [17].

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

Литература

1. Асиятилов С.Х. Спасение Дагестана в Исламе. Махачкала: Изд-во «Лотос», 1989.

2. Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).

3. Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадуев М.А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия / Южнороссийское обозрение. Вып. 76 / Под ред. Черноуса В.В. М. Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2013. С. 7.

4. Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Вып. 68. Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 97.

5. Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. №22. 2010. 3 марта.

6. Как заткнуть за пояс шахида? // Московский комсомолец. 2010. 24 февраля.

7. Личный архив автора.

8. Аргументы и факты. 2000. № 4, 5.

9. Силантьев Р.А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (154). История. 2009. С. 168-169.

10. Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. 2012. 25 июля.

11. Сулейманов Р.Р. Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 177.

12. Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // ИА Regnum. [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum. ru/news/1357240.html.

13. Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tema-kazan.ru/news/crime/item/4819/.

14. Гордеев Я. На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: Интернет-сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://newtimes. ru/articles/detail/43421.

15. Гарсиа Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. 2012. 15 октября.

16. Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Вып. 72. Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 22-33.

17. Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. 2013. 20 февр.

18. Омарова Х. Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // [Электронный ресурс]. URL : http://www.bs-kavkaz.

19. См. об этом: [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html.

20. Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4. С. 50-56.

УДК 323.1:316+327.39

Кашаф Ш. Р.

Политические элиты мусульманских регионов как акторы дискурсивной борьбы за идентичность

Формирование гражданской идентичности в многонациональной и многоконфессиональной России представляет собой чрезвычайно актуальную и острую тему. Включение в дискурс национальной идентичности диспозиций активистов мусульманского сообщества придает вопросам строительства гражданской нации политически нагруженные коннотации, связанные с «борьбой за идентичность» в мусульманских регионах.

Ключевые слова: ислам, идентичность, политика идентичности, политическая (гражданская) нация, политический дискурс.

Сбережение и сохранение народов всегда было уделом Российского государства, веками формировавшегося как многонародное сообщество, где системообразующая роль принадлежала русскому этносу как наиболее многочисленному, культурно и экономически развитому. В новой и новейшей истории в какой-то мере пример России сопоставим со строительством государств Северной Америки — США и Канады, которые при всей своей мощи сталкиваются с аналогичными проблемами. Конструирование национальной идентичности в мусульманских регионах новой России проходит в условиях радикальной борьбы, когда этническая и конфессиональная идентичности соперничают между собой как дискурсивные конструкты за групповую идентич-